

АРСЕНИЙ ЗАМОСТЬЯНОВ

Миражи и маяки

А нужна ли нам демократия?

Мы — подлинная демократия и стоим на пороге решительного обновления государства. Задача, поставленная перед нами, столь ответственна, что нам необходимо выбрать Верховного ассенизатора, если мы всерьез хотим ее выполнить. Правда, с другой стороны, мы подвергаем угрозе нашу свободу. Дерьма не будет, а Верховный ассенизатор останется, и удастся ли нам его тоже убрать — большой вопрос. История нас учит, что верховные ассенизаторы всегда остаются.

Ф. Дюрренматт. Теркулес и Авгиевы конюшни.

К сожалению, это не шутка: сегодня и на правом, и на левом фланге многие (по крайней мере, на словах) хотят видеть Россию парламентской республикой. Тактически это понятно: если борешься с президентом — критика самой системы сильной президентской власти не помешает. Но не будем забывать о стратегии и о том, что едва ли не самое уродливое проявление современной цивилизации — гнет пенкоснимателей над профессионалами.

Что важнее: создание конкурентной и реально влиятельной демократической процедуры или развитие науки, техники, массового просвещения? Это не ложная дилемма и не вопрос для интеллектуальной тренировки, тут — системный выбор стратегии. Понимаю: лучше всего — и первое, и

второе, и десерт. Но государственная идеология иерархична, и многое зависит от того, какие ценности мы предпочтем: правозащитные или технократические. Чем заинтересуем общество: научно-техническими задачами или конкуренцией партий, ораторов, компроматов, когда весь пар уходит в очередного Гудкова? Отказаться от демократических пожеланий, которые принято считать благими, наша телегеничная элита не может.

Сказано — сделано. В ближайшее время мы увидим в деле (а точнее — в бурном безделии) сотни новых партий, ощутим суету губернаторских выборов. Движение в сторону гражданских свобод в приличном обществе принято считать прогрессивным, благотворным — и очередная победа демократии над здравым

ЗАМОСТЬЯНОВ Арсений Александрович — член Союза писателей, лауреат программы «Новые имена» Российского Фонда культуры и конкурса «Интеллект XXI века», кандидат филологических наук.

Ключевые слова: демократия, парламентаризм, многопартийность, демократические свободы, КПСС, перестройка, распад СССР, гражданское общество, демагогия, популизм.

смыслом многих воодушевила. Протестов не слышать. Раздувается роль демократических институтов, а значит, резко понижается значение тех, кто, как на грех, еще пытается работать, а не «позиционировать себя» в гражданском обществе. Активисты, поборники и движущие воодушевлены.

У слова «демократия» помимо древнегреческой основы есть немало оттенков смысла — и русский язык передает их достаточно тонко. Помогает «мелочишка суффиксов и флексий». Вот вам и пример — три определения и три правителя страны. Почувствуйте разницу:

— «Брежнев — демократичный, но не демократизирующий и не демократический»;

— «Горбачев — демократизирующий, но не демократичный и еще не демократический»;

— «Ельцин — демократический по уши, но не демократичный и уже не демократизирующий».

Нас интересует та демократия, которую самые шумные нынешние комментаторы общественной жизни по-голливудски связывают с «силами добра». Когда многое в государстве решается на выборах, в условиях свободной конкуренции и в парламентах — это вроде бы и есть демократия. Ее топтали фаланги Филиппа Македонского. Ее упразднил Божественный Август. Ей вырывали язык при Иоанне Третьем, Великом (1462—1505), князе—объединителе Московской Руси, в 1478 году покончившем с Новгородской республикой и приказавшем вывезти вечевой колокол из Новгорода в Москву. Ее называл «великой ложью нашего времени» Константин Победоносцев. От нее быстро устал матрос Железняк. Я бы на его месте тоже устал, да я и на своем притомился от пустозвонства.

Кто создал демократии репутацию общественного блага, чуть ли не моральной ценности? Наш брат-горлопан: журналисты, консультанты и прочая штабная орава, которая кормится на предвыборной борьбе, на ажиотаже вокруг выборов. Заслуженные тренеры по забегам в ширину. В демократии заинтересован и крупный бизнес: больше возможностей для лоббирования и коррупции, для рекламных кампаний. Так что не будем доверять козлам капусту и поговорим о демократических процедурах начистоту.

Реклама

Кажется, у Михаила Задорнова в годы всевластия КПСС была такая реприза: «Второй партии народ не прокормит». А ведь так и случилось! Один только черный рынок предвыборного компромата втягивает в себя бюджет всей нашей космонавтики. От заводов (которые были жизнеобразующими!) требуют рентабельности, а партии лелеют, как племенных быков. В каждой партии, ясное дело, имеются столоначальники с окладами и конвертами, но, в отличие от КПСС, без малейшей ответственности за то, что происходит в стране. У нас даже партия парламентского большинства ни за что не отвечает — что уж говорить об организациях в 500 человек?

Звучат вполне предсказуемые объяснения: никто никого не обворовывает, это — частные пожертвования. Но пора задуматься: почему наши дельцы легко бросают деньги на ветер, когда речь идет о политических пустозвонах, о шоу-бизнесе и футболисте Это'о! Но превращаются в шейлоков, когда нужно поддержать промышленность, массовую школу, книгоиздание... И это — не извращение принципов демократии, а их ес-

тественное состояние. Есть трудовая логика, логика развития — и есть демократия. Главную причину признать стыдновато: мы живем по законам рекламного мейнстрима, а не здравого смысла. Для тех, кому это на руку, — шоу должно продолжаться, любой ценой. И в очередном (хотя бы и фиктивном) движении к парламентаризму мы видим зарю новой победы над целесообразностью.

В России давненько возникла традиция восхищения демократическими Афинами. О Спарте и Филиппе Македонском даже самые знающие и прилежные наши античники писали почти с ненавистью — немцы и американцы в этом смысле объективнее. А из источников мы с удивлением узнавали, что ни Аристотель, ни Платон не считали афинскую демократию идеалом. Что Спартой восхищались лучшие афинские вожди — Калисфен, Кимон, Мильгиад. Что честолюбие и доблесть македонских царей подготовили мир к преображению. К счастью, СССР не походил на хищный Афинский морской союз, и не случайно В. Новодворская называла нашу страну «проклятой тоталитарной Спартой». Но авторы учебников по истории античности «болели» за афинских демократов, как Николай Николаевич Озеров — за хоккеистов сборной СССР.

Сколько раз мы слышали: «Демократия — худшая форма правления, за исключением всех остальных». Это сказал Черчилль, а ему полагается внимать: больно красиво формулировал, со вкусом и форсом! Вот в этом вся демократия: броская фраза превыше всего. Сэр Уинстон всего лишь шутил — правда, шутил так, что нам остается только завидовать. Понятно, что репризы Черчилля и Фаины Раневской для нас сегодня — как законы Хаммурапи для Древнего Вавилона; и

все-таки лучше ими восхищаться, чем руководствоваться.

Черчилль остроумен, а все-таки затруднительно говорить о всепобеждающей демократии после Пелопоннесской войны и битвы при Херонее. Правда, современные апологеты конкурентной публичной политики отрицают прямую связь с рабовладельческой демократией, а генеалогию современной системы ведут от английского парламентаризма, от буржуазных революций и американской конституции. И все-таки серьезное отношение к демократии эпизодами прослеживается на протяжении тысячелетий — и мало что в нашем споре поменялось. А система, созданная в Великобритании, во Франции и США, успешна не оттого, что ротация правящих кадров там проходит в открытой борьбе за голоса; их спасение в другом: вся эта бутафория лишь прикрывает неприглядные на вид, но надежные столпы буржуазной цивилизации. Лицемерие и притворство не раз приходили на выручку человечеству. Демократия — на витрине, а в сейфе — нечто более надежное.

Директоров банков пока что не выбирают по результатам теледебатов, и на распределение собственности парламенты не имеют решающего влияния. «Великие вопросы эпохи решаются не мнением большинства и либеральной болтовней в парламенте, а железом и кровью» — к этим словам Бисмарка можно добавить: и движением денег. Хозяевам жизни нужны фальшивые аэродромы — а мы все ждем, когда прилетит белый самолет.

Чтобы вымести из углов паутину демократии, нужно очнуться от гипноза, а для начала — сформулировать, почему она необязательна и неорганична для общества. Разрушить стереотип, заставляющий воспринимать

противников парламентской демократии как живодеров и вурдалаков.

Логика службы

А что если опираться не на манипуляцию общественным мнением, а — страшно сказать — на профессионализм? Когда-то в России существовали Табель о рангах, потом — партийная карьерная вертикаль. Система испытаний, которую, при всех издержках, нельзя назвать отрицательным отбором. «Я смотрю на человеческую жизнь, как на службу, ибо каждый служит» — это слова императора Николая I. Конечно, не обходилось без нечистоплотного карьеризма; но все-таки это лучше, чем постоянный чемпионат конкурирующих демагогий... Политбюро ЦК КПСС — несомненно один из наиболее профессиональных управленческих институтов в новейшей истории. Там нефтью не занимались филологи, а военной промышленностью не заведовали доктора философии.

Профессионал, трудяга всегда выглядит серовато в публичной дискуссии с вдохновенным демагогом и способным провокатором. Как трудно бороться с магнетизмом рекламы, демагогии, провокаций! Но что же вместо демократии: монархия, диктатура? При всем ностальгическом уважении к этим системам, думаю, сегодня необходимы участие миллионов людей в управлении государством и ротация кадров без сословных ограничений. Служебный принцип позволит привлечь к управлению гораздо более широкие слои общества, чем демократия. Ведь в «публичной политике» все решает реклама — телевидение, газеты, Интернет, организация панических слухов... А добиться успеха в своей профессии можно без колоссальных денежных вливаний и вдалеке от столиц. Только

учись, трудись, не пей с утра — особенно со вчерашнего, не впадай в депрессию и в эйфорию. Справный крестьянин и рабочий, инженер и учитель смогут взмыть по лестнице, если хватит желаний и усердия.

Там уж поприще широко:
Знай работой да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Скажете: размечтался автор! Конечно, ни одна система не работает безукоризненно. Но торжество профессиональной логики, Табель о рангах — это шанс, которого нынче нет. А площадная шумиха, защита прав и свобод — все это игра в бирюльки, в которой не может быть рациональных критериев успеха. Конечно, в том укладе, который я предлагаю, сумеют пригреться и коррупционеры, и зашоренные карьеристы — но это меньшее зло по сравнению со сплошь бессмысленной демократической надстройкой, в которой мошенника не отличишь от подвижника, потому что от обоих толку мало. Давно пора стремиться не к идеальной, но к оптимальной системе.

КПСС — порождение однопартийной, а не демократической системы. Но насколько ближе к человеку та громада, насколько доступнее и проще были их кабинеты. Как по волшебству, в последние годы вымахали заборы вокруг зданий на Старой площади! Когда-то в массивном шехтелевском доме располагалась гостиница «Боярский двор», купцы подписывали здесь миллионные контракты, и иногда и французское шампанское заедали осетровой икрой. После революции там восседали партаппаратчики, владыки полумира, — а под окнами играли дети. А демократические (но совсем не демократичные!) чиновники любят высокие стены, решетки и вооруженную охрану. И это мы еще

не видели настоящей парламентской монархии, это — ее смягченный, полуфеодальный, начальный вариант.

Сегодня у нас формируется замкнутый элитарный мирок — для молодых людей с Новорижского шоссе уже не хватает кресел в советах директоров солидных корпораций. В то же время мы уже потеряли квалифицированного рабочего как массовое явление. Скоро потеряем инженера и учителя. Да у нас уже омбудсменов больше, чем технологов! Можно, конечно, всех ввозить из Китая, если возможностей Таджикистана не хватит. Но я то верю, что «может собственных Платонов... российская земля рождать». Каждый профессионал должен видеть перспективу не только материального самоутверждения, но и управленческого. Будущее принадлежит трудящимся — не авантюрьерам, но профессионалам, тем самым, которые у нас давненько сникли на фоне рекламных банеров. Но выборы — худший инструмент народовластия. Даже социологические опросы полезнее демократических процедур — расточительных и лукавых. Дада, к опросам следует относиться куда серьезнее, чем к результатам выборов. Социология и работа экспертов — не безупречная, но более основательная база для ротации властных кадров, чем избирательные кампании.

Правительственные органы, крупные предприятия как-то обходятся без выборов. А армия и флот? Там, где заинтересованы в профессионализме, — нет места демагогии. Если бы производственная логика, логика зримых достижений, пронизывала общество и систему управления, многое в нашей стране встало бы с головы на ноги. Человек, доказавший свою состоятельность в любой профессии, получит возможность влиять на судьбу государства. Как давно среди первых

лиц России не было практиков с ореолом трудового успеха!.. Мы платим непомерную дань химерам сложившегося хорошего тона — и потеряли прагматическую линию, ударились в загул. Да, нам необходимо новое издание Табели о рангах, которую хорошо бы распространить на все поприща. Не сложится ли таким образом тоталитарная система в стиле утопий или антиутопий? Отвечу вопросом на вопрос: а разве нынешнее политическое ревю не похоже на антиутопию? Опасно регламентировать частную жизнь, но система управления нуждается в рациональном упорядочении.

Задолго до Черчилля русский «офицер гусарской» П. Я. Чаадаев сказал, что «социализм победит не потому, что он прав, а потому, что неправы его противники». Он не был сторонником социализма — просто анализировал логику истории. По аргументации этот афоризм не слабее черчиллевского, но слышим мы его реже: у парламентской демократии есть могущественные лоббисты, а у социализма — только «два пальца простреленных».

За критику демократии меня упрекают: дескать, автор оправдывает желание нынешней элиты навсегда вцепиться во власть и собственность. Но выборы — более удобный инструмент для власти имущих, чем более объективные, экспертные критерии Табели о рангах. На выборах легче приврать, одурачить бесправное большинство. Только наивный мечтатель может полагать, что открытие новых информационных возможностей (Интернет, социальные сети) усложняет жизнь манипуляторам. Трудящемуся не стоит увлекаться рулеткой и демократическими выборами — это безвыигрышный спорт для «черной кости».

Логика демократии предполагает постоянную работу «на рейтинг».

Какие уж тут интересы государства или общества! Скандалы, разоблачения, ложь — как правило, под соусом правдолюбия... В общении с избирателями — по Пушкину: «Я много обещаю. Исполню ли? Бог весть!» Профессионализм ничего не стоит, главная профессия — «синьор из общества». У нас немало специалистов по «политическим технологиям», то есть по игрищам вокруг выборов. Их приверженность к демократии понятна и почтенна: они с демократии мед-пиво пьют.

Вот конференсье показывает общественный темперамент, в торжественную минуту начинает терроризировать известную актрису за лояльность к власти. Гражданское общество в восторге — 1:0 в пользу конференсье; гражданское общество негодует — 2:0 в его же пользу. Это и есть парламентаризм! Пересол в области посторонних эмоций, недосол — в профессиональной целеустремленности, которая кажется чем-то второстепенным. И спасение одно: сменить демократическую логику на трудовую.

А как же США? Вроде бы Штаты стали сверхдержавой под флагом демократии, о которой кричат повсеместно... Да, они создали, на мой взгляд, слишком громоздкую систему демократических институтов. Но на счастье американцев, эта система хотя и шумная, но бугафорская. В монополиях, которые являются истинными хозяевами Америки, руководителей не выбирают. Появление влиятельной третьей партии исключено — даже в случае политического банкротства республиканцев и демократов. На публику две партии ведут острую дискуссию, но их реальная политика почти неотличима — как пепси и кока-кола. Как и в СССР, в США мы видим парламентаризм декоративный.

Не исключаю, что в ближайшие годы в США (а вслед за ними — и в других крупных государствах) произойдут реформы, аналогичные переходу Древнего Рима от республики к принципату. И «новый принципат» станет основой посткризисной эпохи.

Парламент

К сожалению, и в советское время нам не удалось развенчать принципы демократии... Само понятие «советский» связано с выборным законодательным органом, который, слава богу, ничего не решал. Декоративный Верховный Совет был не обременителен для народа. Ведь СССР только на словах был «страной Советов». В реальности Союз был страной Просвещения, армии, промышленности. Балом правили партия и правительство, а Советы существовали для проформы. С чего начиналась советская (а точнее сказать — социалистическая) государственность? Выборы в Учредительное собрание подтвердили легитимность социалистической революции. Революционные партии победили с колоссальным преимуществом — и нужно было ждать обострения «внутривидовой» борьбы между большевиками и эсерами. Мог ли парламент стать центром собирания нового государства? Вряд ли. Учредительное собрание уничтожили, роль Советов не возросла, а Ленину удалось усилить власть Совнаркома и партии — и сложилась устойчивая система.

Горе тому, кто к декорациям демократии относится некритически! Почему горбачевская перестройка провалилась в тартарары? Ведь все начиналось почти разумно, пока, год другой помаявшись с ускорением, нетерпеливый Михаил Сергеевич не решил, что лозунг Октября «Вся власть

Советам!» — это не просто красивое заклинание, а руководство к действию. Генсек к тому времени успел полностью обновить партийный аппарат, но и собственные выдвиженцы его не устраивали. Побаивался Горбачев обкомовских баронов.. Можно предположить, что он намеревался создать свою реформаторскую опричнину на базе Съезда народных депутатов. Да только не заладилось с самого начала. После XIX партконференции власть начала перетекать из партийных и правительственных органов вроде бы в съездовские залы, а на самом деле — в никуда. Перестройка (из которой мог бы выйти толк!) перешла в суицидальную стадию.

Самые неудачные международные договоры, самые невыгодные кредиты — все это пришлось на трехлетие советского парламентаризма. Полномочий у Съезда было невпроворот, а депутаты, заменившие собой правительство и обкомы, резвились, как дети, на всесоюзном пожаре. Вот специалист по Достоевскому, гуманный, один из властителей дум, получает на Съезде заветные 15 минут. Вся страна следит за речью мудреца. Долговая яма не за горами, а в горах скоро заговорит артиллерия. И на что истратит 15 минут человек, который неожиданно оказался повлиятельнее министров и секретарей ЦК? На кокетство и публицистическую сенсацию. Он запомнился, он выиграл телевизионный эпизод — но перестройка проиграла войну.

Когда 15 марта 1990 года Съезд избрал Горбачева президентом СССР — мы увидели глаза обреченного человека. Либеральная интеллигенция к

тому времени относилась к Горбачеву по фильму «Гараж», в котором звучали слова Талейрана: «Вовремя предать — это предвидеть!» Они уже улыбались за могучим плечом Ельцина и над покатым плечиком Попова. Вот таким и остался парламентаризм в памяти народной: все разрушается, а в прямом эфире — бесконечный диспут честолюбцев. И нет на них матроса Железняка. Да хоть Победоносцева. Или Косыгина, который способен смерить народных депутатов таким презрительным взглядом, что они тут же превратились бы в пионеров на совете дружины.

**Пожалуй, нет на земле народа,
менее приспособленного
к мафиозному существованию,
чем русский, воинский, народ.
Когда мы предаем свою суть —
неизбежно проигрываем.**

Кому же была выгодна съездовская лихорадка? Безусловно, тем, кто не потерял в те годы дисциплины и субординации, — криминалу. Усиление роли мафий — первейшая особенность парламентской демократии. Замечу, что, пожалуй, нет на земле народа, менее приспособленного к мафиозному существованию, чем русский, воинский, народ. Когда мы предаем свою суть — неизбежно проигрываем.

Есть, правда, и такой взгляд на Съезд народных депутатов: вот он, порыв к правде, за которым следила страна, впитывая уроки демократии. Действительно, за съездами следили миллионы идеалистов и зевак. Но стали ли мы лучше от этих уроков? Под радиобурчание съездовских правдолюбив, под велосипедные звонки

председательствующего сколачивались бандитские «бригады» и ополчения Дудаева. За несколько лет парламентаризма люди стали ощутимо агрессивнее, укрепилось ожесточение. Зато работать стали хуже! Чем оправдать такие последствия? Тем, что 20—30 ораторов стали телезвездами? Вот к ним бы (а не к Пушкину) подойти с позитивистскими критериями Базарова: заниматься парламентом, уповать на публичную состязательность — потерянное время.

Ритуалы

Не следует само понятие «выбор» связывать исключительно с демократической процедурой. Ежедневно всем нам приходится избирать: каждый жизненный шаг, каждый маневр, каждый поступок — это ответственный выбор. Если речь идет не о личности, а о коллективе, об обществе — избрание стратегии, как правило, осуществляется на волне согласия. Вспомним избрания самодержцев в Московской Руси. Ивану Грозному наследовал сын Федор Иоаннович — по общему признанию, законный царь. Но и его венчание на царство следовало закрепить демонстрацией народного согласия. Это — ритуальный шаг, ответственный, сакральный. Здесь не может быть конкуренции, практически нет публичной дискуссии и войны компроматов. Самое главное — смирение перед решением, с которым ты не согласен. Ты — блистательный боярин или властный полководец, глядевший в глаза гибели, а вот — приходится смиряться.

Процедура напоминала голосование на съездах КПСС — заранее предreshенное, но торжественное. Это полезная мистерия, ритуал, сплачивающий страну — то в почтении и страхе, то в солидарности и восторге.

Так трактовали и избрание Михаила Романова в 1613 году, а шумную свару, которая заварилась на том Земском соборе, постарались забыть. Государство нуждалось если не в согласии, то в легенде о согласии. Вдумаемся: насколько им, вооруженным феодалам, труднее было гасить в себе вспышки честолюбия, чем нам в интернет-перебранках. Но мы разучились смиряться по-настоящему, недемонстративно, некокетливо. Видите ли, мы голосим *за правду*. Так на пути к правовому государству уничтожается дух соборности, который торжествовал и во времена расцвета Московской Руси, и в советскую эпоху.

Существует древняя церковная традиция избрания предстоятеля с помощью жребия. В XVII веке с помощью жребия Русь получила патриархов Иосифа и Никона, а в XX — патриарха Тихона, после двух веков правления обезличенного Синода. В наше время жребий и только он указывает на нового патриарха православной Сербии. Не худшая из стародавних традиций! По существу, только так и можно избежать многих соблазнов — вплоть до преступных интриг. Честный жребий, как и технология выслути, Табелли о рангах, мог бы успешно заменить демократическую процедуру.

Факультатив

Критикам демократии затыкают рот вот такой сладкой ватой:

1. *«Нельзя вставать на пути прогресса. Кто против демократии — тот за варварство».*

Но в истории не прослеживается неуклонного движения к демократии! Македонские фаланги, растоптавшие афинских крикунов, были, если говорить шершаво, вестниками прогресса. Кстати, ни Платон, ни Аристотель не были приверженцами демократии.

Восток бы не встретился с Западом, а народы не подготовились бы к явлению мировых религий, если бы не Филипп и Александр... А деятельность великих князей Московских, присоединивших к единому государству Новгород и Псков? Вечевая демократия все-таки оказалась для Руси архаикой, а централизация — прорывом к будущему. А к какому прогрессу привела Речь Посполитую шляхетская демократия: к разделам Польши, к полуторавековому хождению по мукам?

2. *«Демократия — это справедливость, это права человека. Кто против — тот утырь».*

Справедливость, к которой нужно стремиться, — это равные возможности для профессиональной реализации каждого человека! Поглядите в послужные листы нашей недавней «номенклатуры» и увидите честный путь из курной избы в Георгиевский зал. А демократия приводит к кастовости и ограничивает эти возможности. Любые выборы — это перекрестные потоки лжи и грубая манипуляция народными массами. Чем честнее выборы — тем слаще ложь. Пользоваться этим механизмом во все времена будут два господина: торгаш и ростовщик. У них-то все честно: «Не обманешь — не продашь»; а вот партийные марионетки, которые борются за благосклонность электората, вынуждены беспрестанно лицемерить. Забота у них такая.

3. *«Только гражданское общество свободных избирателей способно эффективно контролировать власть!»*

Но межпартийная склока, предвыборная дискуссия — питательная среда для мафии. Получается опора на узкий слой влиятельных и говорливых, на сильных лоббистов. Таким образом, побеждает мафиозный, а не государственный подход. Механизм

эффективного контроля над властью еще не изобретен. Но череда публичных скандалов не сделает честнее ни правящую элиту, ни общество. С парламентской демократией можно жить, если она существует для бутафории — как в СССР или в США. Но настоящая, надрывная и влиятельная парламентская демократия разрушает печень государства. Для организма потребно воздержание, необходимы нагрузки, изнурительные разминки — а нам снова выкатывают бочку демократии под жирную закуску свободомыслия... России нужны строгая диета и трудотерапия, а не обременительные демократические излишества. Поменьше партий, поменьше выборов! Если уничтожение демократических ритуалов сегодня невозможно — давайте хотя бы низведем их до уровня третьестепенного факультатива в институте государства.

Год назад мы наблюдали за предвыборной дискуссией кандидатов в президенты Франции — Саркози и Оланда. Все на чистом эфирном масле, без подтасовок и предопределенности. И была эта дискуссия уродлива, как сама демократия. Насколько благороднее и честнее схватка бульдогов под ковром! Нет, идеал публичной политики не поможет нам лучше работать.

Маяки

Россия тоскует по идеологии развития, по созидательной логике. А ее заедает демократическое шоу — пока еще не такое серьезное, как во Франции, но уже пагубное. Государство, не желающее умирать, создаст благоприятные условия для труда, затрудняя путь к успеху пенкоснимателям и авантюристам. Увы, в массовой культуре нам навязывают именно авантюристическую ипостась русского человека: ухарь, вечный истерик, живущий

по правилам рулетки. Такому необходимы зрелища, скандалы, ежедневные сенсации. Но главенствующий тип в истории России — воин, первопроходец, мастер, творец. Истинный профессионал! Чаще — хладнокровный, нежели экзальтированный. Всегда целеустремленный. Он страдает, когда в цеху устраивают барахолку, и равнодушен, когда ущемляются чьи-то гражданские свободы. Он — профессионал, а не игрок, не вития. И он отсутствует в либеральном мейнстриме: там в цене игроцкие качества — красноречие, умение дерзить и глумиться, изобретательно ныть и качать пра-

ва. Преклонение перед гражданским обществом уводит нас в сторону от логики профессионального роста. И это — курс на миражи.

Гражданское общество — не святыня. Парламентаризм — не хлеб насущный. Это в лучшем случае — архитектурное излишество, нелепая беседка на крыше небоскреба, которую не увидеть за облаками. Когда всю эту демагогию воспринимают всерьез, да еще и с надрывом — жди беды. А ведь у нас есть не только демократические миражи, но и трудовые маяки. Просто мы не поднимаем на них глаза. ◆